

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СВАДЬБЫ

Ярушина Ксения Андреевна,

преподаватель кафедры культурологии и философии,

Пермский государственный институт культуры,

Россия, 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18

ORCID: 0000-0003-0545-7248

zl_ks@mail.ru

Аннотация

Статья развивает подход К. Гирца (насыщенное описание) к современной городской свадьбе. Работа основывается на материалах полевого исследования брачных практик молодых семей г. Перми. Были применены следующие технологии исследования: полужформализованное интервью и кейс-стадис. Хронологические рамки исследования – 2016–2019 годы. Было опрошено 26 человек (13 семей). Качественные методы исследования использовались в целях получения максимально полной информации о современном свадебном действии и предшествующих ему событиях. Они позволили обнаружить культурные основания практик главных действующих лиц торжества. В настоящей статье проводится детальная интерпретация одного кейса, содержащего в себе несколько частей-нарративов. Каждый нарратив представляет собой частное видение участника событий. Нарратив «Свадьба как драма» показывает женскую интерпретацию праздничного события. В повествовании героини обнаруживаются отчетливые негативные коннотации. Невеста выражает неприятие свадебной процедуры и некоторых ее атрибутов. Мужской взгляд репрезентирован в нарративе «Свадьба как праздник». Комментарии жениха содержат преимущественно позитивные коннотации. В его рассказе акцент делается на статусных элементах торжества. Он неоднократно подчеркивает вклад своей семьи в свадебную церемонию. На основе анализа повествований героев нам удалось реконструировать дополнительный смысловой горизонт: «Свадьба как проект родителей». В нем отражена роль старшего поколения в организационных вопросах свадебной церемонии. Помимо этого, в тексте рассматриваются повторяющиеся сюжеты, выявленные в ходе анализа нарративов: различные формы объективации, гендерный порядок в молодой семье и смещение социальных ролей.

Ключевые слова: свадьба, современная городская культура, практики, антропологическое описание, интервью, кейс-стадис, нарратив.

Библиографическое описание для цитирования:

Ярушина К.А. Антропологическое описание современной городской свадьбы // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 373–388. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-373-388.

Введение

Тема свадебного торжества, его символического наполнения и значения является предметом дискуссий современных гуманитарных дисциплин. Например, существуют работы, посвященные изучению свадебной церемонии советского времени. Так, Е.В. Буреева рассматривает комсомольскую свадьбу 1960-х годов как синтез воспитательной, атеистической и идеологической работы в целях формирования советской системы ценностей у молодежи [3]. Анализу свадебных фотографий как неотъемлемого элемента церемонии посвящено исследование М.М. Чудиновой, в котором содержание свадьбы («фототекст») 1980-х рассматривается в качестве культурной инсценировки – «аристократизма по-советски» [14]. К отдельной группе исследований можно отнести работы этнографического содержания, где описываются как традиционные элементы свадебной обрядности, так и нововведения в проведении свадебного торжества. В качестве примеров назовем работу Ф.А. Гаджаловой, посвященную описанию традиционной свадьбы даргинцев – жителей села Кубачи Республики Дагестан [4]; исследование М.М. Акашкина, показывающее трансформацию структуры традиционных свадебных обрядов народов Республики Мордовия [1], и статью Л.В. Недоступовой, рассматривающую свадебный обряд и особенности его проведения в селе Данково Каширского района Воронежской области [10]. Свадьба косвенно рассматривается в работах современных социологов в качестве обязательного элемента (брачных) практик института семьи и брака. В частности, М.А. Голева на основе анализа глубинных интервью с молодыми супругами определяет этапы вступления в брак, а также формулирует гипотезы о факторах, определяющих структуру брачных отношений и их специфику [9]. Брачному поведению молодежи Иркутска и его детерминации посвящена работа Е.В. Гольцовой, в которой делается вывод о зависимости между способом организации свадьбы и уровнем образования респондента [7].

Спецификой настоящего исследования является антропологическое описание современного свадебного торжества в городе Пермь – краевом центре на западном Урале. Методологической основой является подход К. Гирца, согласно которому культура публична, следовательно, каждое действие человека наполнено символическим содержанием [5, с. 21]. Культурные формы (нормы, ценности и представления) проявляются в поведении или в практиках. Для их исследования и интерпретации можно об-

ратиться к конкретному случаю – «поместить людей в контекст собственных банальностей» [5, с. 22]. В нашем случае «банальностью» является день свадебного торжества. Эта практика не только подтверждена традицией и ритуализирована, она совершается на грани публичного и частного. Она воспроизводится, как правило, в каждом поколении и регламентируется обычаями и медийной средой. Свадьба сегодня является одним из элементов массовой культуры. По нашему мнению, это событие подобно «лакмусовой бумаге»: оно наглядно демонстрирует особенности городской культуры, в том числе культурные паттерны, социальные статусы и установки, характерные для современных горожан разных поколений.

Для получения информации об особенностях проведения современного свадебного торжества автором настоящей статьи было проведено полевое исследование брачных практик молодых семей г. Перми в 2016–2019 годах. Под молодой семьей понимается семья в первые три года после заключения брака, где оба супруга не достигли 30-летнего возраста [9, с. 7]. Выборка строилась на основе такого критерия, как проведение свадебного торжества в публичном пространстве. В качестве основных инструментов исследования были выбраны методика полужформализованного интервью и тактика кейс-стадис. По оценке В.А. Ядова, интервью является «лучшим источником знания о внутренних побуждениях людей» [15, с. 229]. Полужформализованное интервью как качественный метод сбора данных направлено на достижение углубленного понимания социального явления, а также детальное изучение явления в его целостности и взаимосвязи с другими явлениями [2, с. 8, 9]. Феноменологический смысл качественного интервью состоит не только в получении ответов на вопросы, но и в стремлении интервьюера понять мир «другого» по принципу «я хочу понять тебя и посмотреть на мир с твоей точки зрения» [12, с. 97]. В этом ключе интерпретация является центральным звеном описательного анализа в случае социально-антропологического и культурологического подхода при выборе тактики кейс-стадис [13, с. 101]. Согласно кейс-стадис окружающий мир воплощается в индивидуальных интерпретациях, вписанных в конкретный временной промежуток. Рассматривая подробно конкретный случай, исследователь может выявить причинно-следственные связи и проанализировать во всей полноте механизмы возникновения и функционирования определенной ситуации [8, с. 4].

Результатом исследования стали 13 кейсов – материалов полужформализованных интервью 13 молодых семей по теме свадебного торжества и предшествующих ему событий. Уточним, что интервьюирование проводилось последовательно с представителями каждой семьи (отдельно с мужчиной и отдельно с женщиной), информанты не слышали ответов друг друга. Гайд интервью состоял из нескольких тематических блоков,

первым из них являлось свадебное торжество. Фокусирование на этой теме обусловлено психологической готовностью респондентов делиться с исследователем (т. е. незнакомым человеком) воспоминаниями о ярком событии. Далее располагались вопросы о процессе подготовке свадебного торжества. Завершалось интервью рассказом об этапах отношений: от знакомства до решения зарегистрировать брак. Подобная инверсия связана как с процессом выстраивания позитивной коммуникации между исследователем и информантом, так и с усложнением задаваемых вопросов – постепенным движением из области публичного (свадебное торжество) в область приватного (особенности взаимоотношений в паре).

Согласимся с мнением Б. Фливерга, что «научная деятельность признается или отвергается в качестве хорошей науки ее близостью к одному или большему числу примеров, т. е. практических прототипов научной работы» [13, с. 116], и перейдем к подробному рассмотрению одного из полученных кейсов. Наше внимание концентрируется на кейсе № 7 – он оказался наиболее информативным, поскольку выражает оценочное начало. Дальнейшее повествование будет представлять собой несколько нарративов – «женскую» и «мужскую» интерпретацию событий свадебного торжества, а также интерпретацию родителей, которую удалось реконструировать по высказываниям респондентов. Охарактеризуем кратко героев нарратива: мужчина 1994 года рождения, образование – неоконченное высшее, далее в тексте – Р.; женщина 1995 года рождения, образование высшее, далее в тексте – М.

Герои познакомились на празднике в честь дня рождения их общей подруги. М. вспоминает: *«Мы после этого общались, переписывались, пробовали построить отношения, но ничего не вышло, т.к. Р. был погружен в КВН... мы не общались, не виделись, он не брал трубки, я даже не могла бросить его 1,5 месяца. Я думаю: нет, надо завязывать»*. Инициатором прекращения общения являлась М., которая сообщила герою о своем решении посредством сообщения в социальной сети «Вконтакте». Однако Р. объясняет причину несостоявшихся отношений так: *«У меня начались финалы¹, у меня не было времени на неё... “Как-то пофиг: надо будет – подождет, не надо будет – да и что я потеряю?!” – такие были мысли»*.

Этот эпизод демонстрирует заинтересованность М. в продолжении общения с героем. Она готова к коммуникации с ним посредством сотовой связи или социальных сетей. Поэтому игнорирование героем ее инициативы воспринимается М. в качестве проблемы. Факт прекращения общения через переписку означает обратное – призыв к действию, к возобновлению контакта. Герой интерпретирует ситуацию иначе. У него не возникает противоречий, поскольку отказ от общения с М. не означает разрыва

¹ Финалы игр КВН различных лиг г. Перми (примечание автора).

отношений. Возможно, на тот момент отношения с героиней не входили в его приоритеты.

Следующая встреча героев состоялась вновь у общей подруги: *«Мы там встретились и решили, что, может быть, нам попробовать еще раз»*. Р. рассказывает, что *«...мы стали встречаться каждый день, ходить в кино, гулять... Спустя полгода она начала приезжать ко мне, оставаться на ночь»*. Через какое-то время героя призывают на воинскую службу: *«...я сказал ей: “Если я вернусь из армии и ты меня дождешься – я тебе сделаю предложение”*». В этом моменте проявилась не только склонность героя к установлению правил в отношениях, но и следование определенному культурному образцу: *«У нас в семье есть традиция, что все девушки ждут парней из армии. Здесь всё как надо получилось...»* Отметим и то, что предложение зарегистрировать брак было озвучено на годовщине свадьбы родителей мужчины. По мнению М., поступок Р. был инициирован его матерью: *«Я думаю, что ему мама подсказала, типа, давай тут заодно и пригласим всех, кто есть»*.

Перед тем как перейти к детальному описанию свадебного торжества, уделим внимание некоторым характеристикам героев, которые были озвучены в процессе интервью.

Характеристика героев

Женщина о мужчине	Мужчина о женщине
<p>«Р. надел костюм – жиробасинка, пришлось расшивать»</p> <p>«Я говорю: “Давай будем пить немножечко...”»</p>	<p>«Она очень любит чистоту, но меня это бесит... Ну, три раза в неделю мыть полы, да мы столько дома не появляемся»</p>
<p>«Он с друзьями совсем другой. Когда мы вместе – он такой маленький плюшевый медвежонок, но когда он с друзьями, я бы назвала его свиньей...»</p>	<p>«Она увлекается всем тем, чем я увлекаюсь, даже не любя это, как бы ей приходится»</p> <p>«Она принимает меня таким, какой я есть»</p>
<p>«Его очень тяжело разбудить на работу. Когда он опаздывает, мне звонят с работы, и я такая: “Давай вставай, мальчик”. Вот вчера у меня было 23 пропущенных»</p>	<p>«Она очень добрая и милая, но иногда бывает бешеная, если я по утрам не встаю, она начинает меня бить, орать...»</p>
Об изменениях в отношениях после регистрации брака	
<p>«Он стал более ответственным, он может сам принять решение, это сложно, когда ты думаешь за двоих, раньше такое часто бывало»</p>	<p>«После замужества стало больше ответственности за человека, которого взял в жены. Сейчас как бы нельзя терять человека в законном браке. Это ведь не игрушка – взять и разойтись»</p>

По высказываниям героев можно реконструировать особенности их отношений. Употребление в речи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*медвежонок, мальчик*) сигнализирует об объективации Р. По отношению к нему героиня воспроизводит роль «матери»: она следит за домашним порядком и регулирует время пробуждения. Вместе с тем слова *свинья* и *жиробасинка* звучат в отрицательном контексте. Они символизируют неприятие определенных черт героя: лишний вес и характер, который проявляется во время общения с друзьями. Исполнение этой роли «матери» в отношении героя подчеркивается и цитатой Р. Он считает, что М. беспрекословно принимает не только все особенности его личности, но и его увлечения. Таким образом, в модели поведения Р. прослеживается исполнение роли «ребенка» по отношению к героине.

Свадьба как драма: «Я встала в 6:30, день начинался уже не очень»

Рассмотрим «женский» взгляд на события, произошедшие в день свадьбы. М. вспоминает, что проснулась в этот день очень рано: *«Я встала в 6:30, чтобы погулять с собакой, сходить в душ, выпить кофе. День начинался уже не очень...»* Эта фраза героини является не только результатом рефлексии на тему событий праздничного дня, но и своеобразным эпиграфом к тому, что будет происходить далее. М. испытывает неприятные эмоции в связи с ранним пробуждением. Недовольство этим фактом впоследствии будет несколько раз воплощаться в высказываниях героини. Например, во время свадебного банкета М. говорит: *«Я хочу спать, а время только полшестого»*. Получается, что героиня как бы отстраняется от событий праздничного вечера, присутствуя на собственном торжестве, она «не включается» полноценно в его содержание, поскольку сконцентрирована на своем психофизическом состоянии. Дополнительным аргументом, подтверждающим нашу точку зрения, является комментарий М. – ответ на вопрос *«Что бы вы хотели исправить в своей свадьбе?»*: *«Мне было мало, потому что я была очень усталая, надо было накануне отдохнуть, чтобы насладиться этим днем»*.

Существует мнение, что свадебное платье – это вещь, о которой мечтает каждая девушка. Действительно, белое платье не только подчеркивает торжественность момента, но и в совокупности с дополнительными атрибутами (туфлями, фатой и др.) конструирует образ «принцесс», который не всегда органично вписывается в современные реалии.

Героиня нарратива проживает на девятом этаже дома с неработающим лифтом, поэтому процесс перемещения по лестничным проемам был охарактеризован так: *«Спускаться было очень сложно – платье со шлейфом, его нужно было держать, а я еще ведь на каблучках – это кошмар»*. Следующим эпизодом, характеризующим негативизм по отношению к статусным атрибутам не-

весты, стал процесс передвижения по городу свадебного картежа: *«После загса мы поехали кататься, у нас было несколько мест, куда мы должны были захватить»*. Описывая свои действия на первом месте пребывания, М. добавляет: *«Уже тогда я поняла, что не хочу эти туфли, снимите их, я устала»*.

Следующим не очень приятным для героини моментом являлась прогулка по городской набережной: *«Пока мы ехали, прошёл дождь. Мы шли, я шлейф отпустила и услышала звук, как оно всхлипывает по ступенькам, я чувствую, как слезка накапывает»*. Обратим внимание не столько на антропоморфные черты, которыми наделяется платье, сколько на эмоции М., в которых выражается огорчение от невозможности изменить данный момент. Платье воспринимается как дорогостоящий аттрактор (*«...красивое, шикарное. Когда мне дали его примерить, я не захотела его снимать... посмотрела ценник: божечки, оно стоило 37 тысяч, но мне сделали скидку...»*), поэтому героиня испытывает сожаление от тех ситуаций, в которых приходится его носить.

Другим элементом внешнего вида невесты, на который мы обратим внимание, является фата: *«Было немного неудобно, тяжело, она ложилась на платье. А если я сажусь, то я сажусь на фату. И все меня постоянно обнимали, дергали за фату, у меня голова устала...»* Неприятные эмоции принес героине и такой современный свадебный символ, как букет-дублер. Он используется невестами в качестве альтернативы собственному букету во время «символической передачи счастья», т. е. традиции бросания букета незамужним девушкам. Полученный героиней букет-дублер не соответствовал ее ожиданиям: *«Мы заплатили столько денег декоратору, а букет выглядел непонятно: мне казалось, что он рассыпится, он явно не стоит своих денег»*.

Вернемся к высказыванию М. о неудобных туфлях. Героине удалось их снять только после приезда в ресторан – на место свадебного гуляния: *«Как только переступила порог, я их просто скинула, я была босиком, забыла взять босенок. Все спрашивали: “Почему ты ходишь босиком?” Ноги устали, распухли, они, наверное, даже в туфли не влезут...»* Примечательно, что первый комментарий с положительными коннотациями, который был дан М. во время описания дня свадьбы, касался именно замены туфель на кроссовки: *«Я была так рада, так счастлива, они такие мягкие, удобные»*. Второе положительное высказывание и в то же время самое яркое событие на праздничном банкете – это поздравление родителей супруга: *«Там было видео из старых фотографий, вот мы сидим вдвоем и салфеточки в глазки тыкаем, чтобы слезки не потекли... Это самое трогательное, самое яркое»*. Сентиментальность героини также подчеркивается ее описанием обряда выпуска голубей: *«Это так страшно, я прямо чувствую, как он трясется, а вдруг я его раздавлю...»*

Вспоминая другие пожелания гостей, прозвучавшие в адрес молодой семьи, М. подчеркивает их однообразие: *«На свадьбе каждый говорил: дети, дети, побольше детей, только дети... Я говорю: “Что, кроме детей, пожелать-то»*

нечего?» Все давят насчет детей». Это эмоциональное высказывание выражает несогласие героини с устоявшимся культурным стереотипом: на свадьбе принято говорить о продолжении рода – желать «пополнения» молодой семье.

Еще одним из дискомфортных элементов дня свадьбы являлось фотографирование, невеста замечает, что это было *«очень тяжело. Все фотографируют тебя... где-то даже я с недовольным лицом, уже не могу улыбнуться»*. Нарастающее напряжение героини, на наш взгляд, реализовалось в застолье: *«Я вообще ничего не ела в тот день. Не было аппетита, поэтому и тортик не поела, и вообще не поела»*.

Завершая описание «женской» интерпретации событий свадебного дня, хочется обратить внимание читателя на мотив разочарования, прослеживающийся во фразах героини. События свадебного дня не соответствовали ожиданиям М. Ранний подъем, неудобная обувь, сложности в обращении с фатой, намокшее от дождя платье, бесконечное фотографирование, отсутствие аппетита – вот далеко не все сопутствующие впечатления свадебного дня невесты, о которых редко рассказывают ввиду их несоответствия культурному стереотипу свадьбы, ведь это событие принято считать «самым прекрасным» днем в жизни человека. *«Р., наверное, представлял, я тоже представляла, что будет это как в сериалах, фильмах: “Согласны ли вы...” А там просто спрашивали: “Является ли ваше решение добровольным?”»* – комментирует героиня церемонию бракосочетания в ЗАГСе.

Свадьба как проект родителей: «В смысле без фаты? Надо фату»

По нашему мнению, на иллюстрирование дня свадьбы в подобном ракурсе повлияли как непредвиденные обстоятельства (дождь или некачественно сделанный букет-дублер), так и заранее известные факторы – влияние родителей героини и родителей будущего супруга на процесс подготовки свадебного торжества. М. вспоминает, что во время организации свадебного торжества часто слышала фразу *«Делайте что хотите»*, которую дополняли слова: *«Ты должна сделать так, сделать это...»* Как признание звучит и фраза героини: *«Такое чувство, что свадьба чья угодно, но не моя»*. Основанием для данного высказывания является множество деталей, присутствие которых на свадебном торжестве было инициировано не невестой, а ее близким окружением.

В качестве примера обратимся к размышлениям невесты о фате. Изначально героиня *«не хотела фату вообще»*, но эта позиция была противоположна мнению будущей свекрови: *«В смысле без фаты? Надо фату. Я говорю: “Ну я не хочу”. Мне отвечают: “Мамы хотят”*. С того дня у меня начал дергаться глаз». Даже выбор туфель героини согласовывался с собственной матерью

и матью Р.: «*Это было очень непросто, скидываешь² сразу двум мамам, а они это отсекают*». Помимо контроля выбора обязательных атрибутов невесты, родители участвовали в содержательном наполнении торжественного дня. Несмотря на то что М. «*была против выкупа*», он был инициирован матерью и подругой матери: «*За четыре дня до свадьбы мама говорит: “Ты всё-таки он будет”. Я сказала Р.: “Готовься, мама настроена”. Что делать, просто так не отдают*». Это высказывание показывает принятие М. определенной культурной установки – объективации. Мы наблюдаем, как героиня подчиняется мнению матери и соотносит себя с объектом, по отношению к которому воспроизводятся те или иные действия. В данном случае речь идет о «передаче» девушки в новую семью.

Подобная установка героини – принятие обстоятельств и подчинение другому мнению – находит свое воплощение в различных ситуациях: выборе места торжества («*Мама Р. предложила съездить в Ф.³, она позвонила и договаривалась, чтобы мы приехали туда и посмотрели его*»), покупке алкогольных напитков для банкета («*Р. мама говорила: “Идите в магазины, ищите акции, покупайте”*») и прочих свадебных атрибутах («*Родители писали, что нужно не забыть купить это, это... – ну как напоминание*»).

Об активном участии своей матери в подготовке свадебного торжества также поведала герой. Стало известно, что при ее содействии был выбран костюм жениха («*Мама его выбрала в Москве⁴, прислала, я померил*») и фотограф («*Мама мне сразу сказала: “Давай М., у него хорошие фотографии”*»), разработан маршрут свадебного кортежа («*Мама придумала квест, в Москве это очень популярно*») и согласован список гостей («*мы с мамой посоветовались и решили, что лучше денег докинем, и позвали всех⁵*»).

По словам М., они с будущим супругом во время встречи с ведущим торжества обсуждали культурно-досуговую программу вечера: «*Мы ему объясняли, что не очень хотим старые традиции*». Однако по приезду в ресторан молодую семью родители встречали караваем с солью. Данный эпизод подтверждает наше мнение о том, что свадебное торжество является проектом родителей. Героиня вспоминает, что «*нам предлагали купить рушник, но мы его уже купили*» – это подчеркивает ее осведомленность о дальнейших событиях дня свадьбы. Артикуляция М. не соотносится с практиками: в ее высказываниях выражается несогласие с предложениями родителей, однако действия демонстрируют их исполнение. Мы предполагаем, что подобное поведение героини обусловлено как ее пассивным поведенческим паттерном, так и действиями родителей жениха, которые «*делали практически всё:*

² Фотографию в диалог социальной сети (примечание автора).

³ Название ресторана (примечание автора).

⁴ Мать героя проживает в Москве (примечание автора).

⁵ На свадебное торжество не смогли прийти три гостя, поэтому было принято решение вместо них позвать подруг героини (примечание автора).

и финансово помогали, и идеями». Финансовые вливания родителей означают готовность помочь в свадебных хлопотах, а также возможность диктовать свои условия в процессе организации свадебного торжества. Деньги являются символической властью, которая придает советам старшего поколения больший авторитет. М. вспоминает, что «больше родители настаивали на том, чтобы играть свадьбу». Как видим, их желание было полноценно реализовано в практиках.

Свадьба как праздник: «Мне всего хватило: и алкоголя, и еды, и эмоций»

Рассмотрим «мужской» взгляд на события свадебного дня. Р. вспоминает, что *«проснулся очень поздно, позже всех. Я не понимал, что происходит. Потом сказали, что надо одеваться»*. Уточним, что Р. проживает вместе с родственниками, и на момент его пробуждения каждый член семьи был чем-то занят: *«Мама и бабушка уехали прически делать, папа машину мыл»*. Поэтому слова героя (*«не понимал, что происходит»* и *«надо одеваться»*) демонстрируют инфантильность и подчеркивают его ожидание разрешения родителей на действия.

Последующие события Р. описывает в позитивном контексте: *«Выкуп прошел достаточно быстро, минут за 40. Было прикольно»; «в ЗАГСе была торжественная регистрация, там эта тетенька отпускала наш кораблик любви»*. Эпизод передвижения по городу современного свадебного поезда, который воспринимался невестой тяжело, герою представляется приятным и легким действием: *«Мы по пути распивали шампанское, мы гуляли, нас фоткали, снимали видео»*. При этом жених акцентирует внимание на технической части: *«Мы всех гостей выстраивали клином, а мы – впереди, и видеооператор отбежал от нас и прибежал»* или *«...мы взяли лепестки роз, нам положили в руки голубей и снимали всё 360 градусов»*. Здесь говорится о виде съемки, когда оператор поворачивает камеру вокруг одной точки. Такая техника является трудоемким процессом, для осуществления которого требуется специальная аппаратура. Поэтому данная услуга является уникальной и дорогостоящей. Можно сделать вывод, что родители героя не сэкономили на свадебном торжестве. Наше предположение иллюстрирует и высказывание героя об автомобиле, взятом на прокат для передвижения молодоженов. За день до свадьбы водитель автомобиля, который должен был транспортировать героев, нарушил договоренности и отказался от работы, поэтому пришлось экстренно искать ему замену: *«Нашли немного подороже, ну и качеством повыше: Mercedes GLC. О-о-о! Я немного удивился, когда его увидел»*. Стремление продемонстрировать высокий престиж церемонии выразилось и в таком элементе банкета, как пирамида из бокалов шампанского: *«Пирамиду из шампанского делали, всё так разрекламировали, а это просто бокалы в два ряда. Тоже мне пирамида»*.

Вспоминая события торжества, Р. уделяет внимание свадебному караваю: *«Когда мы приехали в ресторан, там каравай был. Кто больше отломал? Я конечно. Кто ещё-то?»* Разделение каравая символизирует разделение властных полномочий в семье. Поэтому акцентирование внимания на этом эпизоде связано со стремлением героя занимать доминирующую позицию в брачных отношениях. На торжестве жених проявляет себя в роли менеджера: *«Я следил, чтобы на свадьбе никого не обидели, чтобы всего хватило»*. На наш взгляд, такое поведение связано со стремлением героя контролировать ситуацию, поскольку большую часть расходов несла его семья.

В целом рассказывая о содержательном наполнении вечера, герой перечисляет совершенно иные, нежели М., детали: *«У нас вот танец молодых был», «я там рэп читал», «единственная проблема была: музыку нельзя громко делать, так как в жилом доме ресторан»*. Таким образом, свадебное торжество оставило приятное впечатление в сознании героя: *«Мне всего хватило: и алкоголя, и еды, и эмоций – прям вау!»*

Заключение

Рассмотрев подробное описание свадебного торжества, можно заметить двойную оптику этого события: «мужскую» позитивную интерпретацию и «женскую» драматичную. Повествование героини наполнено рефлексией и рационализацией. На это указывают эмоции невесты, а также частое упоминание о сне, что расценивается нами в качестве стремления дистанцироваться от торжественных событий. Обратим внимание на речь героини, которая изобилует словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*каблучки, слезки, глазки*). Использование подобных слов можно интерпретировать в качестве одного из признаков объективации. Если предположить, что это связано с идентификацией себя в качестве ребенка, то становится понятно, почему М. соглашается со всеми озвученными предложениями родителей в отношении организации праздника. Аналогичное безусловное принятие всех инициатив родителей свойственно и герою. В его нарративе также присутствуют составляющие роли «ребенка»: специфическая лексика (*тетенька, кораблик*) и практики, регламентированные родителями (*сказали, что надо одеваться*).

Примечательно и то, что в ситуации свадебного торжества можно увидеть развертывание сценария «жертвоприношения». Невеста – страдающая героиня – приносит себя в жертву жениху, обладающему не очень приятными внешними данными (*жиробасинка*) и чертами характера. На вопрос *«Какие черты Р. тебе нравятся больше всего?»* героиня отвечает: *«Не знаю»*, добавляя следующее: *«Когда мы вместе лежим и смотрим что-то, я думаю: тишина и спокойствие. Ну, это когда он меня не бесит. Сейчас пока всё хорошо и спокой-*

но, а раньше он чаще меня бесил». Мы наблюдаем пример ресентимента [11]: героиня испытывает неприятные чувства к жениху, противопоставляя себя ему («Я-то не люблю такой срачельник», «О нём раньше ходили слухи, что он бабник») и конструируя страдающий и высокоморальный образ.

Отношения героев характеризуются гендерной асимметрией. «Женский» гендер – безэмоциональный, спокойный, терпеливый, снисходительный и заботливый по отношению к мужчине. «Мужской» гендер – активный (весельчак, душа компании) и недисциплинированный (три раза бросил вуз, не закончил). Он стремится к доминированию в отношениях, но вместе с тем не обладает необходимыми для этого ресурсами. К примеру, финансовый вклад героя в свадебное торжество представлен вложением его семьи, а не собственными средствами. Поэтому возникает символический обмен. Героиня готова мириться с особенностями характера Р. в обмен на статусное положение и финансовое благополучие героя, представленное ресурсами его семьи.

Литература

1. Акашкин М.М. Межэтническое взаимодействие в системе традиционных и современных свадебных обрядов на территории Республики Мордовия // Мanusкрипт. – 2020. – № 1. – С. 75–78.
2. Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы. – М.: Инфра-М, 2019. – 377 с.
3. Буреева Е.В. Комсомольская свадьба 1960-х годов в системе идеологического воспитания советской молодежи: замыслы и реализация // Новейшая история России. – 2020. – № 2. – С. 503–520. – DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.215.
4. Гаджалова Ф.А. Традиционная свадьба села Кубачи Республики Дагестан // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 163–171. – DOI: 10.24224/2227-12952018-11-163-171.
5. Гириц К. Интерпретация культур: пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
6. Голева М.А. Как молодые люди осмысливают вступление в брак? Истории о знакомстве и свадьбе в интервью молодых супругов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5 (159). – С. 186–203. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1646.
7. Гольцова Е.В. Брачное поведение молодежи города Иркутска и его детерминация // Социодинамика. – 2018. – № 1. – С. 1–14. – DOI: 10.25136/2409-7144.2018.1.25108. – URL: https://e-notabene.ru/pr/article_25108.html (дата обращения: 10.09.2021).
8. Жеребцов М.В. Метод «case-study» в прикладных политологических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). – 2004. – № 1. – С. 1–16.
9. Коряковцева О.А., Рожков М.И. Комплексная поддержка молодой семьи. – М.: Владос, 2008. – 204 с.

10. Недоступова А.В. Особенности свадебного обряда в селе Данково Воронежской области // Неофилология. – 2020. – Т. 6, № 21. – С. 15–20. – DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-21-15-20.
11. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1999. – URL: <http://lib.ru/NICSHNE/morale.txt> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Семенова В.В., Рождественская Е.Ю. ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 92–105. – DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5.
13. Флишберг Б. О недоразумениях, связанных с кейс-стади // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 110–120.
14. Чудинова М.М. Аристократизм по-советски, или свадебные фотографии с историко-антропологической точки зрения // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 3 (42). – С. 125–134. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-125-134.
15. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2000. – 596 с.

Статья поступила в редакцию 22.12.2020.

Статья прошла рецензирование 02.03.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-373-388

ANTHROPOLOGICAL DESCRIPTION OF A MODERN URBAN WEDDING

Yarushina Ksenia,

Lecturer at the Department of Culturology and Philosophy,

Perm State Institute of Culture,

18 Gazety "Zvezda" Street, Perm, 614000, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0545-7248

zl_ks@mail.ru

Abstract

The article applies K. Geertz scientific approach of 'detailed description' to a modern urban wedding. The work is based on materials of field research into the marriage practices among young Perm families. The research techniques included semi-formal interviews and case-studies of 26 persons (13 families) during the period 2016-2020. These qualitative methods were necessary to get information about an important life event: from the first meeting a future partner to the wedding ceremony. Such methods helped identify cultural bases for the bride and groom's practices. The paper provides a detailed interpretation of only one case, consisting of several narrative sections. Every narrative is a personal view of the participant at the wedding ceremony. The narrative "wedding as a drama" shows a woman's interpretation of the celebration. The bride's story has some negative connotations. The bride expresses rejection of the wedding procedure and some of its attributes. The narrative "wedding as a holiday" represents the man's view. The groom's comments contain mostly positive connotations. His story highlights the status elements of the celebration. He stresses his family's contribution to the wedding ceremony. Analyzing both narratives, an additional aspect of the topic was explored: "wedding as a parents' project". It shows the older generation's role in the organization of the wedding. In addition, the paper describes some stories which are repeated in the narratives, including various forms of objectification, gender roles in the young family, and shifting of social roles.

Keywords: wedding, modern urban culture, practices, anthropological description, interview, case studies, narrative.

Bibliographic description for citation:

Yarushina K. Anthropological Description of a Modern Urban Wedding. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 373–388. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-373-388.

References

1. Akashkin M.M. Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie v sisteme traditsionnykh i sovremennykh svadebnykh obryadov na territorii Respubliki Mordoviya [Interethnic interaction in the traditional and modern wedding rituals of the peoples of the republic of Mordovia]. *Manuskript*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 75–78. (In Russian).

2. Belanovskii S.A. *Glubokoe interv'yu i fokus gruppy* [The in-depth interviews and focus groups]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 377 p.
3. Bureeva E.V. Komsomol'skaya svad'ba 1960-kh godov v sisteme ideologicheskogo vospitaniya sovetskoj molodezhi: zamysly i realizatsiya [The Komsomol wedding of 1960s in the ideological education of soviet youth: intentions and implementation]. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern history of Russia*, 2020, no. 2, pp. 503–520. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.215.
4. Gadzhalova F.A. Traditsionnaya svad'ba sela Kubachi Respubliki Dagestan [Traditional Wedding of Kubachi Village of Republic of Dagestan]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2018, no. 11, pp. 163–171. DOI: 10.24224/2227-12952018-11-163-171.
5. Geertz C.J. *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p. (In Russian).
6. Goleva M.A. Kak molodye lyudi osmyslyayut vstuplenie v brak? Istorii o znakomstve i svad'be v interv'yu molodykh suprugov [How Young People Perceive Entry into Marriage: Acquaintance and Wedding Stories from the Interviews with the Newlyweds]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 5 (159), pp. 186–203. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1646.
7. Goltcova E.V. Brachnoe povedenie molodezhi goroda Irkutska i ego determinatsiya [Marriage behavior of youth in the city of Irkutsk and its determination]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2018, no. 1, pp. 1–14. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.1.25108. Available at: https://e-notabene.ru/pr/article_25108.html (accessed 10.09.2021).
8. Zherebtsov M.V. Metod “case-study” v prikladnykh politologicheskikh issledovaniyakh [Case Study Method in Applied Political Research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 2004, no. 1, pp. 1–16.
9. Koryakovtseva O.A., Rozhkov M.I. *Kompleksnaya podderzhka molodoj sem'i* [Complex support for a young family]. Moscow, Vldos Publ., 2008. 204 p.
10. Nedostupova L.V. Osobennosti svadebnogo obryada v sele Dankovo Voronezhskoi oblasti [Features of the wedding ceremony in the village of Dankovo, Voronezh region]. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 15–20. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-21-15-20.
11. Nietzsche F. K genealogii morali [On the genealogy of morality]. Nietzsche F. *Sochineniya. V 2 t.* [Works. In 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. (In Russian). Available at: <http://lib.ru/NICSHE/morale.txt> (accessed 10.09.2021).
12. Semenova V.V., Rozhdestvenskaya E.Yu. INTER-entsiklopediya: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya [INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 92–105. DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5.
13. Flivbjerg B. O nedorazumeniyakh, svyazannykh s keis-stadi [About misunderstandings related to the case study]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2005, no. 4, pp. 110–120. (In Russian).

14. Chudinova M.M. Aristokratizm po-sovetski, ili svadebnye fotografii s istoriko-antropologicheskoi tochki zreniya [Aristocratism in the soviet style, or weddings photos through historical and anthropological lenses]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Perm University Herald. Series "History"*, 2018, no. 3 (42), pp. 125–134. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-125-134.

15. Yadov V.A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: opisaniye, ob"yasneniye, ponimaniye sotsial'noi real'nosti* [Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 596 p.

The article was received on 22.12.2020.

The article was reviewed on 02.03.2021.